

которой посвящена его жизнь. И все-таки выказать свои симпатии к Марку Бассет не может, ибо его поступки определяются, в конечном счете, не субъективными намерениями, а интересами класса, к которому он принадлежит.

Речь идет не о механической предопределенности человеческих поступков, а об исторической конкретности — одном из важнейших признаков реализма. В годы, изображаемые в романе, у власти в стране была та часть правящего класса, для которой опасны даже «розовые» либералы, подобные Марку Ферранти. Бассет, вынужденный выполнять их волю, дает понять Марку, что без примирения с братом его дела плохи.

Марк не ребенок в политике, он достаточно много видел и в госдепартаменте, знает изнанку жизни, но даже он поражен холодным цинизмом тех, с кем ему пришлось столкнуться в доме брата.

По просьбе Марка на процесс приезжает его сестра коммунистка Тесси. Она свидетельствует, что Марк действительно никогда не был членом компартии США. Тесси глубоко убеждена в правоте своего дела. Давно уже не было в американской литературе такого обаятельного образа сильной, выстоявшей коммунистки. Вдова фронтовика, воспитывающая

сына, она неустанно ведет свою трудную работу в подвергающейся тяжелейшим ударам партии. Ее ведет по жизни вера в нечто большее, чем личное благополучие, — великая вера в благородство человека, в переустройство мира. У нее есть что противопоставить не только Хэйсу и сенатору, но и любимому брату. Даже Бассет, вероятно впервые в жизни сталкивающийся с живой коммунисткой, не может не почувствовать ее покоряющей внутренней силы.

Марк разительно изменится в ходе расследования. Вначале перед читателем сильный человек, на его жизни словно лежит отблеск неоновой рекламы, на которой крупными буквами написано главное слово в жизни американца — «успех». Прощаемся мы с человеком слабым, жалким, внутренне сломленным. Очень тонко показывает писатель, что причины происшедших в герое изменений носят не личный, а общественный характер. Марк не может ничего противопоставить тупой убежденности полицейских чиновников и маккиавелизму католических политиков. Он принадлежит к буржуазным либералам, которым трудно последовательно развивать и отстаивать те самые принципы демократии, в которые они искренне верили, которым трудно сблизиться с наиболее прогрессивными силами страны.

В условиях политической реакции они оказывались в трудном «межумочном» положении, в котором подвергается испытанию нравственная устойчивость каждого отдельного человека.

Профессор Майнот, герой романа Марты Додд «Под лучом прожектора», — тоже человек либеральных взглядов, но испытания не сломали, а закаляли его. Оружием Майнота была личная порядочность, элементарная человеческая честность.

Марзани отошел бы от реализма, если бы наделил такими личными качествами преуспевающего государственного чиновника. Марк — обыкновенный, «средний» человек, не подлец, но и отнюдь не герой; общественное поведение таких людей целиком зависит от политического климата в стране.

Он благополучно прошел расследование. Он уцелел. Уцелел, но не выстоял. Не выстоял по тем же причинам, из-за которых сенатор Бассет вынужден ответить отрицательно на заданный Марком вопрос: нет, Америка не стала более демократической страной за эти пятьдесят лет.

За демократию в Америке идет упорная, жестокая борьба. В этой борьбе живые сталкиваются с мертвыми, выстоявшие с уцелевшими. Исход этой борьбы важен для судеб страны и народа.

Р. Орлова

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

□

Джон Уэйи. Спешит вниз. «Новый мир» №№ 8, 9, 10, 1959.

□

В русском переводе опубликовано еще одно — после «Счастливчика Джима» Кингсли Эмиса * — произ-

* См. «Иностранную литературу» №№ 10, 11, 12 за 1958 г.

ведение из числа тех, что несколько лет назад дали повод английской критике заговорить о вторжении в литературу «рассерженных молодых людей». Писатели, которых причисляли к этому движению, не были объединены ни общей программой, ни личными связями; тем не менее, в характере и, прежде всего, в тематике их творчества действительно проступало нечто сходное. С тех пор все они идут разными путями, о кото-

рых, разумеется, нет возможности рассказать в рамках рецензии. Но и первые романы Эмиса и Уэйна, и пьеса Осборна «Оглянись во гневе» вошли в английскую литературу как произведения писателей безусловно одаренных, очень темпераментных, свежо и остро — пусть и не очень глубоко — воспринимающих проблемы и атмосферу своего общества и своего времени.

По сюжету своему «Спе-

ши вниз» — приключенческий роман, но, вопреки всем скачкам и хитросплетениям фабулы, мы прежде всего и неизменно слышим в этой книге голос Уэйна — пристрастного наблюдателя и обличителя социальных нравов сегодняшней Англии. Это очень молодой голос. Отсюда и запальчивая «вселенская» мизантропичность автора (при всей его склонности к фарсу), и преобладание в его палитре серых и бурных тонов, и нарочитая ирония, под которой кроется угловатая юношеская боязнь чувствительности. Вот как, например, совсем в духе О. Генри, изображает Уэйн прелести речного ландшафта, как бы сопровождающего самое серьезное лирическое переживание Чарльза Ламли: «Солнечный свет на воде знал, что ему делать; умудренный опытом многих столетий, он умел произвести желаемый эффект, отражаясь на затененной поверхности листьев, нависших над рекой как раз на должной высоте. Хор птиц был прекрасно срепетирован, цветы и трава в точности знали свои роли...» и т. д., и т. п.

Нет надобности излагать сюжет романа. Напомним лишь, что в нем повествуется о злоключениях молодого эгоцентричного интеллигента, покинувшего свою мелкобуржуазную среду в поисках абсолютной независимости, духовной и материальной. Он работает мойщиком окон, потом — водителем грузовика; участвует в контрабандной доставке наркотиков и едва не гибнет; после служит санитаром в больнице, некоторое время — шофером у одного дельца; попадает на лондонское «дно», где выступает в роли вышибалы в ночном клубе, и наконец обретает тихую гавань и материальное благополучие в своеобразном бизнесе — изготовлении «скоромных» анекдотов для радио.

Замысел этого «плутовского» романа XX века как будто весьма серьезен. «Его жизнь, — говорит Уэйн о своем герое, — была слов-

но диалог красноносых мюзик-холльных клоунов, выкрикивавших глубокие и трагические истины». Почти физическое отвращение к буржуазному быту, морали, людям своего класса, к академической среде переполняет Чарльза Ламли. Но чем вызвано это отвращение? Причины того, почему Ламли добровольно стал изгоем, столь же туманны, как прошлое одиноких героев Байрона. Однако юный Чарльз меньше всего романтик. Не назовешь его и социалистом и защитником интересов рабочих, ибо от них он старается держаться на столь же почтительном расстоянии, как и от постылых буржуа Скроддов, Хатчинсов и Бёрджей; со снисходительной горечью думает Чарльз об «идеалистах 30-х годов» — прогрессивной английской интеллигенции. Далеко не всегда ведет он себя достойно в чисто этическом плане. На его глазах торговцы наркотиками убивают молодого репортера — товарища Чарльза по университету, но Чарльз думает в эти минуты лишь о том, как ему спастись от полиции. Пытаясь найти душевный покой, он начинает ухаживать за санитаркой Розой, девушкой из рабочей семьи, но и здесь, в новом окружении, ему становится смертельно «скучно», и он внезапно бросает Розу. Разбогатев, он готов подвести под это обстоятельство «теоретическую базу». Чарльзу кажется, что достигнутое благополучие — это некая «ничья» в той «войне», которую вел он с обществом, — представление настолько же иллюзорное, насколько наивны его план прожить этаким Робинзоном в гуще современной цивилизации и надежда, что его «оставят в покое».

Стоит ли попрекать Джона Уэйна слабостями и пороками Чарльза Ламли? По меткому замечанию Митчела Уилсона, автору не страшно, если читатель осуждает его героя; хуже, если он в него не верит. А поверить в полнокровное

существование Чарльза Ламли довольно трудно, ибо жизненная, психологическая убедительность этого образа явно не соответствует широкому замыслу автора.

И все же, первый роман Уэйна интересен. Выразительно показаны в нем темные стороны жизни лейбористского Welfare State («государства благоденствия»), горькая разочарованность в котором пронизывает все творчество «рассерженных». Резкий и суховатый сатирический дар Уэйна, так отличающийся от щедрого, заразительного юмора Эмиса, позволяет ему создавать превосходные жанровые сценки и шаржированные портреты.

Английская литература славится мастерством гротеска — и злого, и добродушного. И в этом романе есть блестящие страницы. Описание того, как Фроулиш знакомит растерянных, но претенциозных членов провинциального литературного кружка со своим ультрамодернистским романом, может соперничать с лучшим, что создано в этом жанре. Сцена эта виртуозно переведена Иваном Кашкиным, да и весь перевод отлично передает напряженный ритм, эмоциональную окраску прозы Уэйна. Перевод насыщен многими находками, но иногда (в авторском комментарии особенно) встречаются тяжеловесные фразы.

После книги «Спешите вниз» Уэйна написал еще три романа, в чем-то любопытных, во многом разочаровывающих. Немало работает он и в других жанрах, особенно в критике. Маститый писатель Ч. П. Сноу предсказывает Уэйну в отдаленном будущем роль «патриарха» английской литературы. Не беремся предрешать судьбу этого пророчества (предполагаемому «патриарху» всего 34 года) и будем ждать новых книг Джона Уэйна.

И. Левидова